

реформ государственного управления. В ходе создания лесного кадастра проводились обучение первых отечественных специалистов-картографов и геодезистов, разработка наиболее ранних программ картографирования и географического изучения природных ресурсов. Это был один из важнейших видов географической практики, сформировавший сообщество академических географов и картографов, существенно повлиявший на складывавшийся стиль картографического и географического изучения России.

Литература

1. Кузнецова Н. И. Социо-культурные проблемы формирования науки в России (XVIII — середина XX вв.) М., 1998.
2. Hughes L. Russia in the age of Peter the Great. New Haven — London, 1998.
3. Алексеев Л. В. Оковской лес «Повести временных лет» // Культура средневековой Руси. Л. 1974.
4. Shaw D. J. B. Geographical practice and its significance in Peter the Great's Russia // Journal of Historical Geography. 1996. Vol. 22. № 2.
5. Миллюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 1. СПб., 1896.
6. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 175. Оп. 1. Д. 13 (О посылке подъячих в Воронежский уезд для осмотра и описи ясеневых лесов).
7. РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 7 (Книги лесов, описанных капитаном Иваном Верховским по Северному Донцу, 1698–1701).
8. РГА ВМФ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 234 (Опись сосновым и березовым лесам, осмотренным в 1723 г. на острове Даго с означением размеров деревьев и сортов леса).
9. РГА ВМФ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 280 (Об отправке в Боровскую воеводскую канцелярию копий с описных вальдмейстерских книг 1722 и 1723 годов об охране заповедных лесов для руководства в вопросе сохранения лесов).
10. Полное собрание законов Российской империи. Т. 4. № 3686.
11. Александровская О. А. Становление географической науки в России в XVIII веке. М., 1989.
12. Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века. М.-Л., 1946.
13. РГА ВМФ. Ф. 212 (Указы III отд.). Д. 5 (О позволении рубить лес для починки и постройки «Московской перспективной дороги» — во всех дачах, чьи бы они ни были).
14. РГА ВМФ. Ф. 212 (Указы III отд.). Д. 74 (По испрошению у Духовного Синода Послушного указа в Новгород, в Архиерейский приказ — о подчинении крестьян в вотчинах архиерейских, монастырских и церковных капитану Дубровину, командированному для осмотра и описи корабельных лесов).
15. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 381. Оп. 47. Д. 526.
16. Kain R. J. P., Baigent E. The Cadastral Map in the Service of the State. Chicago & London, 1993.
17. РГА ВМФ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 68.
18. РГИА. Ф. 387. Оп. 47. Д. 454.
19. Public Record Office, MAF 38/216.
20. R. G. Albion, Forests and sea power. The timber problem of the Royal Navy. Cambridge, 1926.
21. Public Record Office, class CRES 60/2.
22. Acts of Parliament, 9&10, Will. 3, p. 36, 48.
23. Act 52, Geo. 3, p. 72.
24. Public Record Office, class F31/167.

С. И. РОМАНОВСКИЙ

«ОБРУСЕНИЕ» РОССИЙСКОЙ НАУКИ КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Дважды Россия как бы разбавляла свое население инородцами, т. е. людьми, родившимися за ее пределами. Первое массовое впрыскивание носителей иной культуры происходило на протяжении двух с половиной столетий татарского ига. Второе разделилось на две порции: первая — в продолжение всего XVIII столетия, вторая — в начале XIX в. Сначала Россия «отатарилась», затем «онемечилась» и, наконец, «офранцузилась». В XVIII в. началось онемечивание и правящей династии. Все эти процессы достаточно сильно влияли на трансформацию культурного слоя нации: на древнерусское мирозерцание накладывались европейские традиции, и Россия постепенно привыкала жить не по заветам предков, а по заимным рецептам.

Со времени петровских реформ русский интеллектуальный слой неуклонно стал сдвигаться в направлении немецкой культуры. Это было сознательной политикой: уж коли решили перенять инженерные, архитектурные, строительные навыки европейских стран, то надежнее это сделать, если пригласить западных специалистов в Россию; уж коли решил Петр создать в Петербурге Академию наук, когда в стране не было не только высшего, но даже начального образования, то единственный способ это сделать — завезти в страну ученых из Германии, Швейцарии, Франции. Что и было исполнено. Понятно, что среди множества объявившихся в России иноземцев были люди разные: таланты прослаивались бездарностями, люди, преданные своему делу, — проходимцами. Последние, правда, быстро схлынули и реального влияния на «культурное перерождение нашего общества» (В. И. Вернадский) не оказали. Куда важнее те, кто осел в России навсегда и мог реально влиять на российскую жизнь.

Среди них мы выделим только людей науки. Они не эмигрировали в Россию, не просили у российского правительства политического убежища: их в Россию пригласили, создав выгодные условия для работы. А затем, по прошествии всего двух десятков лет, их стали активно вытеснять и из Академии наук, и из страны.

Процесс «обрусения» науки почти на два столетия стал подлинно национальной проблемой. Уже Устав 1747 г. предписывал «набирать» в Академию преимущественно российских подданных. Но еще долгие десятилетия, вплоть до последних лет царствования Николая I, реальные потребности государства в высококвалифицированных научных кадрах значительно

опережали возможности российского образовательного потенциала. А потому все это время, независимо от уставных деклараций, в составе Академии наук преобладали иностранцы: немцы, голландцы, швейцарцы, англичане и шведы.

Однако то, что Россия, начиная с Петра Великого, широко распахнула свои двери перед иностранными специалистами, имело для нее далеко идущие последствия. Это был естественный процесс европеизации российской жизни, постепенного превращения русского человека в русского европейца. Процесс этот, будучи не таким навязчивым, как насильственная подгонка русского быта под европейский стандарт, приводил к требуемому результату без явного насилия и излишней спешки. Для многих из прибывших в Россию иностранцев она стала второй родиной, они пустили в ней глубокие корни и уже во втором — третьем поколениях могли считаться вполне русскими, хотя и сохраняли непривычные для русского уха фамилии. Особенно сильно подобная «европеизация» чувствовалась в обеих столицах.

С другой стороны, в «направлении Европы» сдвигался только верхний слой русского общества. Российская же глубинка по-прежнему оставалась столь же дремучей, как и во времена Алексея Михайловича. А это еще более усиливало и без того резкое культурное расслоение общества, увеличивая дистанцию между столичной элитой и народной массой. Социальные последствия подобного процесса ждали Россию впереди.

Однако положительный эффект здорового космополитизма, когда благодаря энергии и всевластию Петра I Россия была вынуждена признать чисто национальные выгоды от «эксплуатации» лучших европейских умов, стал наглядно просматриваться лишь на значительной временной дистанции. В середине же XVIII в., когда в полном объеме проявился недюжинный талант Ломоносова, засилие иностранных ученых в Академии наук скорее мешало, чем способствовало развитию национальной науки. Много сил потратил Ломоносов на борьбу с интригами, кознями, ретроградством правителя канцелярии И. Д. Шумахера. Этот немец «ссорил между собой ученых, не считаясь с их научными заслугами и государственными интересами» [1, с. 67]. А самое главное, делал все от него зависящее, чтобы в Академию не попали русские ученые.

Наблюдая это, Ломоносов в 1764 г. пишет свой вариант Устава Академии наук, в нем он без обиняков указывает, что

академики и адъюнкты должны быть природные россияне!.. Честь российского народа требует, чтоб показать способность и остроту его в науках и что наше отечество может пользоваться собственными сынами не токмо в военной храбрости и в других важных делах, но и в рассуждении высоких знаний (2, с. 141–142).

В те годы в очень сложных и драматичных коллизиях как бы сплелись два процесса. Один — объективный, связанный с нехваткой высокообразованных национальных кадров; он привел к тому, что российские власти

были вынуждены отдать на откуп приглашенным европейским талантам не только науку, но в значительной мере и технику, архитектуру, строительство. Другой процесс — субъективный, и выразился он в том, что количество заезжих умов превысило некоторую критическую массу, они стали жить по законам гомеостата, не пуская в свою среду инородные элементы. Ими стали российские ученые. Как говорится, приехали...

Однако то, что уже в середине XVIII в. эта коллизия стала бить по самолюбию русских ученых, доказывает неопровержимо: Петр I весьма точно рассчитал стратегию становления российской науки — он своими реформами как бы обязал рискнувших откликнуться на них ученых Западной Европы рассеять семена знаний по российской земле. Оставалось терпеливо ждать урожая.

Не прошло и четверти века с момента организации в Петербурге Академии наук, как «природные россияне» утратили чувство традиционно русского гостеприимства, они ощутили собственную значимость и стали бороться за свое законное место на научном олимпе. Стратегически здесь было все ясно: будущее российской науки за ними, в конечном итоге они потеснят с академических кафедр заезжих бездарностей, удостоенных признания в России только за факт принадлежности к европейской цивилизации. Но ясно было и другое: процесс зашел слишком далеко, и борьба за национальные приоритеты в собственном доме будет долгой и нервной.

Уже в 40–60-х гг. XVIII в. (время Ломоносова) попасть в Академию русскому ученому было крайне сложно. В ней сложились свои внутренние партии, интересы которых блюлись неукоснительно. Будь ты хоть семи пядей во лбу, но коли влиятельная академическая партия выставляла на выборах своего кандидата, то почти всегда он и побеждал. Правда, случались и сбои: из-за внутренних интриг в Академии, из-за несопоставимости научного веса конкурентов; наконец, из-за Устава 1747 г., который отдавал приоритет на выборах русским ученым. Поэтому и для них находились вакансии, и ряды Академии хоть и медленно, но все же пополнялись русскими учеными.

Когда же на российский престол взошла Екатерина II, то она в первые годы всячески поощряла российское начало во всем, понимая, что русское самолюбие и так сильно пострадало от того, что впервые со времени Рюрика полновластной хозяйкой России стала иностранка. Она стремилась сама как можно быстрее обрусеть, и это ее желание стало руководством к действию для услужливых царедворцев. Сказалось это, разумеется, и на политике Академии наук. Во второй половине XVIII в. она пополнилась многими отечественными талантами: академиками стали А. П. Протасов (анатом), С. К. Котельников (математик), С. Я. Румовский (астроном), И. И. Лепехин (натуралист), П. Б. Иноходцев (астроном), Н. Я. Озерецковский (натуралист), В. Ф. Зуев (натуралист), Н. П. Соколов (химик), В. М. Севергин (минералог), Я. Д. Захаров (химик), С. Е. Гурьев (математик).

Однако Екатерина II была умным и дальновидным политиком. Она прекрасно видела, что ни наука, ни тем более образование (при ней функцио-

нировал всего один университет — Московский) не успевают насыщать все сферы внутренней жизни страны национальными кадрами. Поэтому она не только не препятствовала, но, напротив, всячески поощряла инициативу своего окружения, когда оно убеждало ее не тормозить начинания только потому, что их придется проводить в жизнь руками и талантом европейцев. Именно при Екатерине стала бурно развиваться горнодобывающая промышленность и по рудным районам (Уралу, Алтаю и др.) расселились ставшие впоследствии знаменитыми династии горных инженеров — Грасгоф, Тиме, Иосса и др. А когда в 1773 г. в Петербурге открыли Горное училище, то практически весь преподавательский состав пригласили из Германии. Точно так же происходило и во всех прочих сферах внутренней жизни страны.

Процесс ассимиляции европейской культуры оказался достаточно инерционным. При Екатерине немцы как бы вживались в российскую действительность, при ее внуке Александре I многие из них уже прочно укоренились в России, но наибольший вес и влияние на русскую жизнь они приобрели при Николае I. Немцы входили даже в состав российского правительства: министром иностранных дел был К. В. Нессельроде, а министром финансов Е. Ф. Канкрин. Все это, разумеется, не случайно.

Немцы были в стороне от общественных настроений русского общества, их практически не касались ни жесткая цензура, ни интеллектуальный гнет, сковавший русские умы. Не случайно, что наибольший научный ценз в те годы имел Дерптский университет, практически целиком немецкий. Для изучения громадных пространств России продолжали снаряжаться экспедиции, но теперь это делалось помимо Академии наук и возглавляли их только иноземные специалисты: А. Гумбольдт, Г. Розе, Х. Г. Эренберг, Р. Мурчисон и др. Как видим, почти полтора столетия, вплоть до начала царствования Александра II, продолжалась насильственная европеизация культурного слоя нации. Процесс этот, конечно, претерпел и некоторую внутреннюю эволюцию. При Петре I русское общество смотрело на прибывавших иностранных специалистов и ученых с явным интересом и нескрываемым любопытством — все в них было внове, все не так. Одним словом, отношение поначалу было чисто «кунсткамерным». Любопытство сменилось недоумением, когда русские люди стали убеждаться, что среди понаехавших чужеземцев в изобилии встречаются проходимцы и жулики. Недоумение быстро переросло в раздражение, а через него — в отторжение. Причем если в Академии наук эти чувства преломлялись через личные амбиции русских ученых (ибо здесь лицом к лицу сталкивались вполне конкретные дарования), то в целом по стране, когда процесс подобной европеизации набрал внушительные обороты, ему стал активно противиться традиционно русский менталитет. Оказалось, что он с большим трудом совмещается с европейским. Поэтому то, что в XVIII и в первой половине XIX вв. русские ученые активно противостояли засилью иноземцев, можно понять и даже объяснить. Постепенно эта борьба стала приобретать чисто националистический окрас, ибо уже во второй половине XIX в. острие противо-

стояния было направлено на детей, внуков и даже правнуков иностранцев петровского и екатерининского призывов. Они, само собой, родились в России и были российскими подданными.

Вернемся, однако, к начальной фазе этой коллизии. Если Петр приглашал в Россию европейских ученых, у многих из которых уже было имя в науке, то первые русские ученые становились таковыми, так сказать, по месту службы. Сначала они обучались в Академической гимназии, затем в Академическом университете, после чего попадали в Академию наук на амплуа адъюнкта, т. е. помощника академика. Иными словами, сначала они становились *сотрудниками* Академии, а потом уже начинали заниматься наукой. Надо ли говорить, что далеко не всегда из прилежных и даже способных учеников вырастали действительно талантливые ученые. К тому же в те годы Академия наук была заполнена только иностранными профессорами, а потому русский, начинавший свою карьеру в Академии, сразу становился «чужим среди своих». В. И. Вернадский отмечает, что в первые годы существования Академии русские исполняли в ней «подсобную, ученическую роль». Это были геодезисты, моряки, студенты, метеорологи-наблюдатели, коллекторы, офицеры, рисовальщики, типографские рабочие [3, с. 176].

Такое зависимое положение уже вскоре стало тяготить их. Даже люди, непосредственно наукой не занимавшиеся, начинают страдать от ущемления их национального достоинства. Так, в 1742 г. А. К. Нартов, ведавший инструментальными мастерскими Академии наук, подает в Сенат жалобу на И. Д. Шумахера. В ней он указывает, что Петр, мол, основал Академию наук

не для одних чужестранных, но паче для своих подданных. (А ныне она) в такое несостояние приведена, что никакого плода России не приносит (4, с. 151).

Что же получалось? Сами пригласили и сами стали выставлять за дверь? Добро бы за национальные интересы выступали «природные россияне», хотя и в этом случае подобный патриотизм был бы явно не ко времени, ибо свои «мудрые разумом Ньютоны» на горизонте еще не обозначились, а в Академии наук уже трудились такие гиганты, как Л. Эйлер и Д. Бернулли. Нет. Немцев и швейцарцев из Академии выталкивали не русские ученые, а *российские традиции*. Одна из них состояла в том, что главной фигурой в Академии наук, как и в любом другом казенном учреждении, был не ученый, а чиновник. Для него же интересы науки были на одном из последних мест. Такой личностью, ставшей нарицательной для Петербургской академии наук XVIII в., был немец Шумахер. Это благодаря его чиновному усердию Академию наук лихорадило, это он умудрился восстановить против себя не только русских ученых, но и многих работавших в Академии европейцев. Тот же Ломоносов в «Краткой истории о поведении Академической канцелярии» (1764 г.) писал, что невозможно «без досады и сожаления представить самых первых профессоров Германа, Бернулли и других во

всей Европе славных», которые приехали в Россию «для просвещения ее народа, но Шумахером вытеснены, отъехали, утирая слезы» [4, с. 90].

Да, судьба самых первых российских академиков складывалась по-разному. Одни — вероятно, не выдержав смены условий жизни, — вскоре умерли в Петербурге: Н. Бернулли и М. Бюргер в 1726 г.; других уволили: И. Х. Либерт отработал в Академии лишь 1736–1737 гг., а Хр. Мартини — 1725–1729 гг. Наконец, значительная часть академиков была вынуждена покинуть Россию не по своей воле. Вот лишь несколько судеб.

Физик Г. Б. Бильфингер прибыл из Германии в 1725 г. Но уже в 1730 г., не выдержав травли со стороны коллег, навсегда покинул Россию. Также со дня основания Академии в ней трудился профессор математики Я. Герман. Приехал он из Швейцарии в возрасте 47 лет, а в 1730 г, из-за склок Шумахера, уехал из России.

Д. Бернулли до Петербурга учился в Базеле (Швейцария). В 1725 г. он с братом Николаем приехал в Петербург, где занял в Академии наук сначала кафедру физиологии, затем математики. В 1733 г., все из-за того же Шумахера, он вернулся в Базель. Россия в его лице потеряла великого ученого, зато сохранила Шумахера.

Крупный математик Хр. Гольдбах прибыл из Германии и работал в Академии наук с ее основания. Однако в 1742 г., также не выдержав постоянных академических дразг, он уволился из Академии и перешел на службу в Министерство иностранных дел, дослужившись там до чина тайного советника. (Напомню, что так называемую «проблему Гольдбаха», связанную с теорией чисел, смог разрешить И. М. Виноградов лишь в 1929 г.)

Астроном Ж. Н. Делиль прибыл из Франции также в год основания Академии. Отношения с Шумахером он испортил быстро. В 30-х гг. он жаловался в Сенат:

Хотя от самого моего приезда довольно требовал русских студентов от Академии, однако получить не мог, для того что помянутый Шумахер всегда, сколько ему возможно было, российского народа от всякого произвождения отдалял, а напротив того старался он, Шумахер, лучше немцев употреблять и производить (4, с. 99).

В 1747 г. Делиль уехал из Петербурга, порвав всякие контакты с Академией наук. Россия лишилась еще одного крупного ученого. А между тем именно Делиль составил и начал реализовывать программу геокартографирования России, а его картографическая проекция 1728 г. использовалась 200 лет [5]. Это он основал службу точного времени и предложил ежедневно в полдень оповещать жителей Петербурга выстрелом из пушки Петропавловской крепости.

Великий Л. Эйлер прибыл в Петербург по вызову Д. Бернулли в 1727 г. Сначала он занял должность адъюнкта по кафедре физиологии, но вскоре был избран профессором на кафедру физики, а после отъезда Д. Бернулли на родину в 1733 г. возглавил кафедру высшей математики. В 1740 г. после кончины Анны Иоанновны началось регентство Бирона. В России насту-

пили смутные, а главное, — неопределенные времена. Л. Эйлер воспользовался приглашением Фридриха II Великого и уехал работать в Берлин. На вопрос короля, где он всему научился, Эйлер отвечал: «Я всем обязан своему пребыванию в Петербургской Академии» [6, с. 47]. Эйлер искренно говорил это. Он был великий труженик, все время он отдавал работе и ни в каких академических распрях участия не принимал. Он был одним из немногих крупных ученых, кто не испортил отношений ни с Ломоносовым, ни с Шумахером. В 1749 г. Эйлер писал из Берлина Шумахеру:

Я и все остальные, имевшие счастье состоять некоторое время при Русской Императорской академии, должны признать, что тем, чем мы являемся, все мы обязаны благоприятным обстоятельствам, в которых там находились. Что касается собственно меня лично, то при отсутствии столь превосходного случая, я бы вынужден был заняться другой наукой (до отъезда в Петербург Эйлер по рекомендации отца занялся востоковедением. — С. Р.), в которой, судя по всем признакам, мне предстояло бы стать лишь кропателем (4, с. 71).

В 1766 г. Екатерина II через своего посла в Берлине князя Долгорукова передала Эйлеру приглашение вернуться в Петербург на любых условиях. Он принял его. Более ученый не покидал Россию до конца своих дней. Умер Эйлер в 1783 г.

Теперь попробуем провести своеобразный исторический хронометраж «обрусения» нашей национальной науки. Начнем с XVIII столетия. Призванные Петром I европейские ученые должны были сообщить русской науке начальный импульс для ее дальнейшего самостоятельного развития. Однако укоренилась русская наука лишь тогда, когда стало развиваться высшее образование и в науку стали приходить лишь способные к творческому труду. Процесс этот растянулся более чем на столетие...

В первые 15 лет существования Академической гимназии примерно треть учеников были детьми иностранцев, состоявших на государственной службе в России [4]. В Академическом университете с 1726 по 1733 гг. обучалось всего 38 человек, из них лишь пятеро — российских подданных. Затем до 1747 г. занятия в нем шли с частыми перебоями, в основном из-за недостатка студентов. Способ пополнения Академии наук в те годы был таков: адъюнктов набирали в основном из русских, а профессоров — из иностранцев. При рассмотрении численного состава Академии XVIII в. адъюнктов можно в расчет не принимать, ибо к науке эти молодые люди отношения еще не имели. Они продолжали обучение у одного из академиков и, коли добивались успеха и проявляли склонность к самостоятельному творчеству, становились полноправными членами Академии наук. То, что Академия почти до конца XVIII в. представляла собой своеобразный анклав европейской науки на территории России, доказывают и официальные языки, на которых велись протоколы заседаний: с 1725 по 1734 гг. таким языком был латинский, с 1735 по 1741 гг. — немецкий, с 1742 по 1766 гг. — вновь латинский, с 1767 по 1772 гг. — опять немецкий, с 1773 г. —

французский. Правда, с 1751 г. протоколы стали переводить на русский язык.

Итак, динамику «обрусения» науки в XVIII в. для наглядности представим в виде таблицы.

Годы	Принято в Академию наук за этот период	Из них российских подданных	То же в процентах
1725	12	0	0
1726–1750	23	3	13
1751–1775	23	5	21,7
1776–1800	16	7	43,7

В 1803 г. был принят новый Устав Академии наук. Ввели три градации действительных членов Академии: адъюнкт, экстраординарный и ординарный академики. Уже в начале XIX столетия в России были открыты новые университеты: Казанский (1804 г.), Харьковский (1805 г.), Петербургский (1819 г.), Университет Святого Владимира в Киеве (1834 г.). Академию наук и университеты развели окончательно. Академия теперь сама не готовила молодых ученых. Наукой они начинали заниматься при университетах, а добившись некоторых успехов, могли баллотироваться и в Академию. Так что постепенно звание адъюнкта Академии стало приобретать ощутимый научный ценз. С учетом этого при анализе интересующего нас процесса в XIX в. будем фиксировать все существовавшие градации действительных членов Академии. Итак, продолжим нашу таблицу, сделав ее более детальной.

Годы	Принято в Академию наук за этот период	Из них российских подданных	То же в процентах
1801–1810	21	6	28,5
1811–1820	7	1	14,3
1821–1830	15	3	20
1831–1840	11	1	9
1841–1850	34	26*	76
1851–1860	21	15	71,4
1861–1870	12	8	66,6
1871–1880	10	8	80
1881–1890	21	18	85,7
1891–1900	25	25	100

*В 1841 г. к Петербургской академии наук присоединили Российскую, состоявшую преимущественно из отечественных ученых и литераторов.

К этой таблице надо бы сделать еще одно примечание. Национальность члена Академии в расчет нами не принималась. К «иностранцам» ученые

отнесены по месту рождения и, если можно так сказать, по их собственному желанию, т. е. по тому, как они сами писали свои фамилии в официальных документах Академии. Например, *G. Gelmersen, R. Lenz, M.-H. Jakobi, H.-H. Hess, K.-E. von Bayer* и т. д. — это «иностранцы». Таких же ученых, как П. Б. Струве, Г. Ф. Миллер, П. И. Вальден, Ф. Е. Корш, В. К. Ерншtedт, Ф. Д. Плеске, Н. Х. Бунге, Ф. Ф. Бейльштейн, К. Г. Залеман, О. А. Баклунд, В. Р. Розен и др., мы считаем вполне русскими. Подобная двойственность объясняется двумя причинами. Во-первых, многие «немцы» были таковыми лишь по происхождению. Сами они родились уже в России и были ее подданными. Во-вторых, хотя все воспитанники Дерптского университета были российскими подданными, но они оставались немцами по рождению и воспитанию. Именно они чаще всего и решали сами, кто они — немцы или русские. Их в составе Академии наук XIX в. было очень много: это был самый сильный российский университет.

Как видим, процесс «обрусения» нашей науки стал необратим лишь со второй четверти XIX в. (С 1841 г. официальным языком Академии наук стал русский: на нем печатали протоколы заседаний, а научные статьи можно было публиковать на русском, немецком или французском языках — по желанию автора.) Однако приглашать иностранных ученых продолжали, ибо была еще очень сильна инерция традиций, да и влияние «немецкой» партии в самой Академии наук. Так, из-за границы прибыли Е. И. Паррот (1826 г.), Г. И. Гесс (1828 г.), Я. И. Шмидт (1829 г.), Ф. Ф. Брандт (1830 г.), В. Я. Струве (1832 г.).

Большой вклад в ускорение занимающего нас процесса внес С. С. Уваров. Он был президентом Академии наук с 1818 г., а с 1833 по 1849 гг. — еще и министром народного просвещения в правительстве Николая I. Будучи человеком высокообразованным и умным, он прекрасно понимал, что его знаменитая триада: «православие—самодержавие—народность» (или, говоря иначе, «церковь—власть—народ») будет работать на укрепление российской государственности, в частности и в том случае, если интеллектуальная элита страны станет своей, национальной и сможет служить своеобразным генератором полезных для страны идей. Поэтому он и предпринимал все от него зависящее, чтобы внутренняя политика государства опиралась на национальные кадры, и начал он с реформы российских университетов. Понятно, что ни о какой циркуляции свободной научной мысли речь не шла, его политика была направлена лишь на то, чтобы, как выразился Д. И. Менделеев, «высшие учебные учреждения в России стали переходить из немецких рук в руки русских» [7, с. 17]. Это же отмечают и современные исследователи: российские университеты в XIX в. были более русскими, чем Академия наук [8].

Может создаться впечатление, что мы, говоря об «обрусении» нашей науки, «подставляем» в этот процесс лишь Академию наук, игнорируя прочие научные учреждения. Но, во-первых, помимо Академии до второй половины XIX в. в России существовали лишь добровольные научные общества, пять университетов да несколько специализированных высших учеб-

ных заведений — Горный, Технологический, Лесной институты. Наука в них, за редкими исключениями, лишь тлела. А, во-вторых, история отечественной науки в значительной мере «означает именно историю Академии наук» [4, с. 5].

Более интересен другой аспект рассматриваемой проблемы. Это сегодня мы ее можем беспристрастно изучать, подсчитывать число «немцев» и «русских» в Академии наук разных лет, с удовлетворением отмечая, что уже во второй половине XIX в. процесс «обрусения» подходил к своему естественному финишу. (Последним иностранцем по месту рождения был крупнейший ориенталист В. В. Радлов, избранный в Академию наук в 1884 г.) Казалось бы, русская научная общественность должна была спокойно и с удовольствием наблюдать за тем, как Академия наук пусть и медленно, но неуклонно превращается в действительный храм национальной науки. Но именно в эти годы, а точнее — со времени реформ Александра II, русское общество почувствовало и крайне нервно реагировало на несоответствие между своим национальным достоинством и «вненациональным» составом Академии наук [3].

К. А. Тимирязев, к примеру, писал об Академии наук тех лет как о «немецкой» (что, как мы убедились, было явно несправедливо): она, мол, блистала «в 60-е годы именами Бэра, Лёнца, Струве, Гесса и других» [9, с. 147]. (Кстати, Тимирязев мог бы подобрать и другие фамилии, — их было предостаточно, — а не склонять имена великих ученых.)

Да, именно к 60-м гг. XIX в. русская наука развилась настолько, что могла по праву соперничать с «немецкой» по любой академической кафедре. Но и последняя еще была в силе и позиций своих сдавать не желала. Отныне за каждую академическую вакансию разворачивалась настоящая битва, Академия раскалывалась на две почти равновеликие половины, и каждая из них стеной стояла за своего кандидата. Вот лишь несколько примеров.

...В 1860 г. К. М. Бэру исполнилось 68 лет. Он почувствовал, что более не может в полную силу работать в Академии наук (а иначе он не мог), и предложил себе в преемники немца В. Кюна. Вся «русская» часть Академии этому, понятно, воспротивилась [10]. Она предлагала своего кандидата — И. М. Сеченова. «Зная себе настоящую цену, — вспоминал И. М. Сеченов, — я понял, что меня выдвигают по поговорке: на безрыбьи и рак рыба». Это оскорбило его, и он, искренне полагая, что и в будущем не будет удостоен «такой высокой чести», как членство в Академии наук, предпочел «наотрез отказаться» [11, с. 176]. На этот раз «русская» партия взяла верх и выбрали Ф. В. Овсянникова.

Активным борцом за «национальную чистоту» русской науки был великий химик А. М. Бутлеров. В. Е. Тищенко, его ученик, вспоминал:

Подобно М. В. Ломоносову, ему пришлось вступить в борьбу с господствовавшим тогда (1874 г. — С. Р.) в Академии большинством. Он не мог не заметить, что при замещении вакансий членов Академии и при присуждении премий за научные работы была тенден-

ция отдавать предпочтение иностранцам при наличии иногда даже более достойных русских ученых [12, с. 73–74].

Сам Бутлеров в своей ныне почти забытой статье «Русская или только Императорская Академия наук в Санкт-Петербурге?», впервые напечатанной в газете «Русь» в 1882 г., приводит массу конкретных примеров подобного противостояния: присуждение премии К. М. Бэра дерптскому ботанику Э. Руссову, а не И. И. Мечникову; «провал» на выборах 1879 г. санскритолога А. Шредера и возмущение в этой связи Непременного секретаря К. С. Веселовского; избрание в адъюнкты молодого шведского астронома О. А. Баклунда (1883 г.), «не говорящего по-русски», тогда как имена М. А. Ковальского и Ф. А. Бредихина «даже не назывались»; избрание в 1868 г. ординарным академиком Г. И. Вильда (он был назначен директором Главной физической обсерватории), даже в 80-х гг. не говорившего по-русски, что Бутлеров расценил как «презрение к званию, которое он носит, и к нации, которой он служит» [13, с. 118–138].

У И. М. Сеченова отношения с Академией наук так и не сложились. 14 мая 1868 г. его забаллотировало Физико-математическое отделение, подсластив пиллюлю избранием ученого в конце 1869 г. членом-корреспондентом, что означало в те годы не работу в Академии наук, а лишь сотрудничество с нею. 18 января 1874 г. Сеченова вновь провалили на выборах, правда, уже на Общем собрании. (Президент Академии Д. А. Толстой наложил свое вето.) В 1904 г. уже пожилого ученого избрали в почетные члены Академии. Да, в эпоху «великих реформ», как остроумно заметил К. А. Тимирязев, в Академии наук

самые видные деятели нации блистали... своим отсутствием [9, с. 147].

И все же наибольший общественный резонанс имело сознательное игнорирование Академией научных заслуг Д. И. Менделеева. «Штаб российской науки» так и не сделал его своим членом. Что бы ни говорили о том, что в составе Академии наук XIX в. было много действительно выдающихся русских ученых, но то, что ее членами так и не стали Н. И. Лобачевский и Д. И. Менделеев, полностью девальвирует все такого рода высказывания. Об этой, воистину исторической, эпопее существует обширная специальная литература [14–17]. Поэтому мы ограничимся лишь самой сутью.

Позволю себе сразу высказать собственное мнение. Данную коллизию нельзя рассматривать лишь сквозь призму конфронтации «немецкой» и «русской» партий в Академии наук. Она шире. И суть ее в том, что Менделеев был не только самым видным, но самым популярным профессором Петербургского университета. К тому же не скрывал своих общественных пристрастий, всегда был на стороне «встающего» студенчества. Это-то более всего и раздражало Академию, которая при президентах Ф. П. Литке и Д. А. Толстом была более чем благонамеренным учреждением и хорошо знала «весьма неудобный» нрав Менделеева. Поэтому при обсуждении его кандидатуры даже «русская» партия Академии раскололась на две части, что и привело в итоге к скандалу.

Непременный секретарь Академии К. С. Веселовский написал в своих воспоминаниях:

Академик Бутлеров, бывший в то же время и профессором университета, вел постоянно открытую войну против Академии и в угоду своим университетским товарищам не раз пытался провести Менделеева в академики, вопреки желанию большинства членов физико-математического отделения [14, стлб. 27].

А дело было так. На вакансию умершего в 1880 г. химика Н. Н. Зинина академики П. Л. Чебышев, Ф. В. Овсянников, Н. И. Кокшаров и А. М. Бутлеров выдвинули Д. И. Менделеева; искренне полагая, что «присоединением проф. Менделеева к своей среде Академия почтет русскую науку, а следовательно и себя самое, как ее верховную представительницу» [14, стлб. 28]. Физико-математическое отделение рассматривало этот вопрос 28 октября 1880 г. Уже тогда «неизбежность скандала» (слова К. С. Веселовского) была очевидной. 11 ноября 1880 г. на заседании Отделения состоялось голосование: «за» 9 голосов, «против» 10. Записали: «не признан избранным». В 1881 г. на свободную вакансию Н. Н. Зинина академики Г. Вильд, А. Гадолин, А. Савич и Л. Шренк (заметим: не «немецкая» партия, а двое немцев и двое русских!) предложили кандидатуру профессора Технологического института Ф. Ф. Бейльштейна. 19 января 1882 г. он был избран на заседании Физико-математического отделения, но после резкого выступления А. М. Бутлерова на Общем собрании 5 марта 1882 г. (он предлагал Н. Н. Бекетова) забаллотирован. В 1886 г. Бутлеров умер, и освободилась еще одна вакансия по химии. Вновь решили по инициативе ботаника А. С. Фаминцына «двинуть» вопрос об избрании Менделеева. Фаминцын полагал, что в Академии не осталось химиков, и теперь аргументация будет исходить от неспециалистов. И вновь ничего не вышло. Кандидатура Менделеева даже не обсуждалась.

Это, так сказать, фактическая сторона вопроса. Теперь о реакции общественности. В те годы ее позиция была однозначной: «наш» Менделеев был попран «немцами», а русскую науку в очередной раз унизили. Тут же, в 1880 г., Менделеева избрали своим членом десятки научных и научно-общественных организаций. Появились восторженные статьи об ученом в газетах «Голос», «Страна», «Молва», «Русь» и др. В еженедельнике «Новое время» от 12–19 ноября 1880 г. появилась статья с характерным названием «Немцы-победители». Несомненно одно — авторитет Академии наук в глазах русской интеллигенции резко упал.

Критик М. А. Антонович писал в этой связи, что забаллотировали не только Менделеева, но и всю прессу, и всю систему образования:

мы самым благодушным образом переносим оскорбления, наносимые по человеческому достоинству, нашему нравственному чувству (цит. по: [18, с. 194]).

Весьма симптоматично напроорочил историк В. И. Модестов в газете «Голос» от 4 декабря 1880 г.: очень плохо, что общественность пока вне ин-

тересов науки, что она пока не в состоянии следить, «чтоб в Академию не избирались люди по проискам интриганов, кумовству и даже по протекции» [18, с. 194]. Все это ждало Академию впереди. «Общественности» дали возможность «следить» за выборами в Академию наук при советской власти, и теперь она решала — кого поддержать, а кого провалить на выборах. Только «общественность» эта была с партийными билетами в карманах, и у нее были свои хозяева, в том числе и в самой Академии наук. Надо ли говорить, что подобный фильтр сделал выборы еще более карикатурными.

Понятно, что столь активная поддержка несколько смягчила естественную досаду самого Менделеева. Он писал профессору П. П. Алексееву:

Просветлело на душе, и я к Вашим услугам, готов хоть сам себе кадить, чтобы черта выкурить, иначе сказать, чтобы основы Академии преобразовать во что-нибудь новое, годное для всех вообще и, в частности, для научного движения в России (19, с. 195).

Выделенные нами слова — своеобразная оборотная сторона полутора-векового противостояния европейской и русской науки, ибо европейской науке противилось не столько русское национальное самосознание, сколько традиционное для русского человека мирозерцание. Мир для него всегда представлялся целым и неделимым, и этой чисто философской максиме подчинялись и сугубо научные проблемы, которые формулировались предельно общо, причем так, чтобы они были приближены к жизни, чтобы «узколобость» ученых не отрывала науку от потребностей жизни. Подобная «народная наука» породила в подходящее время и «народных академиков»...

В феврале 1882 г. Менделеев диктует стенографистке свою статью «Какая же Академия нужна в России?», но, убоявшись, видимо, ее публикации, прячет в стол нерасшифрованные записи. Впервые ее напечатали аж в 1966 г.! А. М. Бутлеров свои настроения скрывать не стал. Уже 13 февраля 1882 г. в аксаковской газете «Русь» он начинает публикацию своей статьи «Русская или только Императорская Академия наук в Санкт-Петербурге?». Жаль, что работу Менделеева не прочли в свое время. Она была глубже и обстоятельней статьи Бутлерова, в коей просто сводились счеты с «академическими немцами».

В 1889 г. президентом Академии наук стал великий князь К. К. Романов. В те годы острота противостояния «немецкой» и «русской» партий в Академии прошла, иностранцев (по месту рождения) в Петербургскую академию более не приглашали. И тем не менее инерция прошлых конфликтов была столь велика, что новый президент счел своей главной задачей сделать Академию наук российской, а не немецкой [20, с. 56–61]. В своем дневнике 9 февраля 1890 г. он оставил такую запись:

Читал статьи Бутлерова в «Руси» за 82 год... Встав из гроба, Бутлеров и теперь мог бы написать почти то же самое. Только теперь та разница, что мне, как президенту, самому приходится вести борьбу с немцами, а потому надежды на успех побольше прежнего (21, с. 179).

На эту борьбу президент не жалел ни сил, ни времени. Он интриговал против О. Баклунда, не желая этого «иностранца со всеми его качествами» допускать до Пулковской обсерватории; в 1890 г. вел борьбу за А. О. Ковалевского против «немца» Ф. Д. Плеске, известного русского орнитолога, директора Орнитологического музея Академии наук. Плеске, кстати, избрали в 1890 г. адъюнктом, как и Ковалевского, а в 1893 г. — экстраординарным академиком. Однако, не вынеся интриг, шедших, как видим, от самого президента, он в 1897 г. оставил работу в Академии.

Итак, на излете проблема «обрусения» нашей национальной науки приняла уродливый, почти карикатурный характер, ибо к концу XIX в. русская наука уже прочно стояла на ногах и ни в какой защите от «немецкого засилья» не нуждалась. Для К. К. Романова же принадлежность к «немцам» определяла только фамилия ученого. «Немцами» для него были Плеске, Струве, Ольденбург, Шмальгаузен и другие чисто русские ученые, родившиеся, само собой, в России. Такое отношение к чистоте науки более напоминало позицию уже вскоре возвысившего голос с трибуны Государственной думы В. М. Пуришкевича, одного из лидеров «Союза русского народа», столь же рьяно боровшегося за чистоту русской нации.

Литература

1. Павлова Г. Е., Федоров А. С. Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765). М., 1988.
2. Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 10. М., 1957.
3. Вернадский В. И. Труды по истории науки в России. М., 1988.
4. История Академии наук СССР. Т. 1. М., 1958.
5. Анисимов Е. Россия без Петра. СПб., 1994.
6. Григорьян А. Т., Ковалев Б. Д. Даниил Бернулли. М., 1981.
7. Менделеев Д. И. Какая же Академия нужна в России? // Новый мир. 1966. № 12.
8. Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох (от России крепостной к России капиталистической). М., 1985.
9. Тимирязев К. А. Развитие естествознания в России в эпоху 60-х годов // Соч. Т. VIII. М., 1939.
10. Карл Бэр и Петербургская Академия наук. Л., 1975.
11. Сеченов И. М. Автобиографические записки. М., 1952.
12. Александр Михайлович Бутлеров (По материалам современников). М., 1978.
13. Бутлеров А. М. Русская или только Императорская Академия наук в Санкт-Петербурге? // Соч. Т. III. М., 1958.
14. Князев Г. А. Д. И. Менделеев и Императорская Академия // Вестник АН СССР. 1931. № 3.
15. Князев Г. А. Менделеев и царская Академия наук (1858–1907) // Архив истории науки и техники. 1935. Вып. 6.
16. Соболева Е. В. Организация науки в пореформенной России. Л., 1983.
17. История Академии наук СССР. Т. II. М., 1964.
18. Мейлах Б. Послесловие к статье Д. И. Менделеева «Какая же Академия нужна в России?» // Новый мир. 1966. № 12.
19. Фигуровский Н. А. Д. И. Менделеев. М., 1961.
20. Арская А. П. Двенадцатый президент Академии наук // Вестник РАН. 1994. Т. 64. № 1.
21. Загадка КР (Из дневников великого князя К. К. Романова). М., 1994. № 1.

И. П. КУЛАКОВА

СПОР О ПЕРВОРОДСТВЕ:

275 ЛЕТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМУ УНИВЕРСИТЕТУ?..

В истории училищ, в памяти их преданий заключается та нравственная основа, на которой должна утверждаться самобытность учебного заведения.

С. П. Шевырев

Москва и Петербург — два культурных центра России, в отношениях которых элемент состязательности присутствовал всегда. Московский и Петербургский — два крупнейших университета, которые с некоторых пор ведут спор о первородстве.

Обращаясь к этой теме, определимся: существует ли универсальная, в чистом виде, университетская модель (тем более, применительно к XVIII в.)? Мировой опыт открытия университетов показывает — примерно с XV в. начинают появляться национальные варианты университетов, каждый из которых имеет свои особые черты [1, гл. 1]. В странах так называемого второго эшелона капиталистического развития (Россия, Германия) организатором высшей школы выступило государство, что придало ей еще больше своеобразия.

Нынешний 1999 год был объявлен годом 275-летия Санкт-Петербургского университета.

Устроители торжеств сочли возможным отождествить Академический университет и Петербургский, официально основанный в 1819 г., считая их одним учреждением. Предпринято роскошное юбилейное издание [2], в котором целому коллективу сотрудников удалось ценой кропотливой работы собрать много новых и интересных фактов из жизни Академического университета. Факты собраны настолько кропотливо, что поневоле зарождается сомнение: если университет *был*, то почему нужно изыскивать доказательства того, что *был именно университетом*, что он все же функционировал, а не «умер» в последней трети XIX в.? Почему это процветание и исключительно важная роль Академического университета оказались забыты, а современники никак не связывали его с новообразованным Санкт-Петербургским университетом (уже в 1844 г., когда праздновался юбилей последнего, вышла работа «Первое двадцатипятилетие Императорского университета»)? Почему эту связь нужно *доказывать*, собирая драгоценные «улики»? Только сейчас, в дни юбилея, Академическому университету